

Серия NON-fiction премии-медали им. Ивана Грозного

ВИТАЛИЙ ХАЛЬПУКОВ

**АНГОЛА — СССР:
ДРУЖБА И ЗАБВЕНИЕ**

Non-fiction (ИП Березина)

Виталий Хальпуков

Ангола – СССР: дружба и забвение

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Хальпуков В. К.

Ангола – СССР: дружба и забвение / В. К. Хальпуков — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Non-fiction (ИП Березина))

ISBN 978-5-907350-68-7

26 декабря 1991 года исчезло государство СССР – сильнейшая в мире империя с огромным политическим, экономическим и военным влиянием. Автор издания считает, что уничтожению государства способствовал человеческий фактор. Издание в большей степени посвящено воинам-интернационалистам, проходившим службу в конце 1990-х гг. в Республике Анголе, чем рассмотрению причин крушения колыбели мирового коммунизма. Предназначено для широкого круга читателей, адресовано аудитории всех возрастов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-68-7

© Хальпуков В. К., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

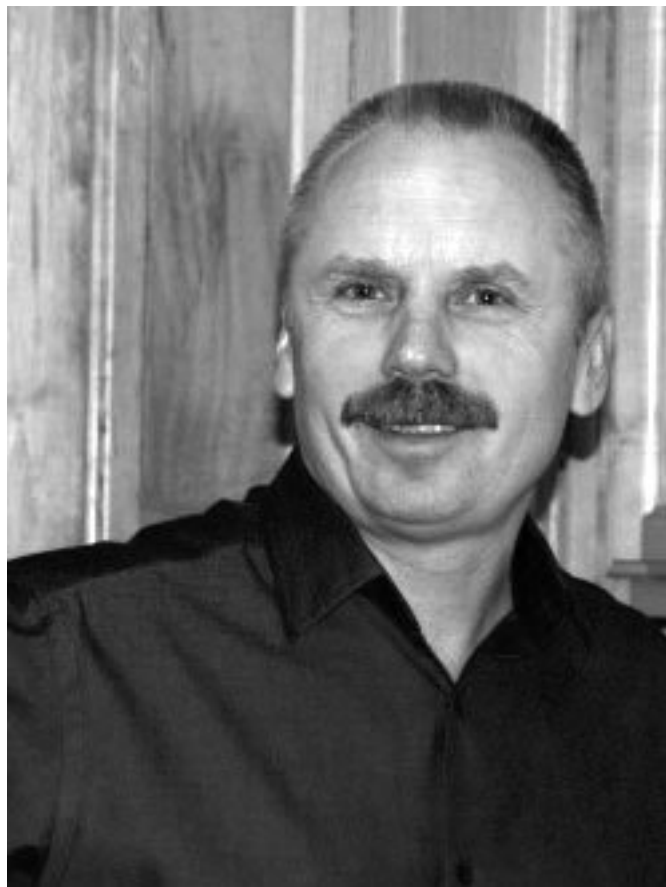
Виталий Хальпуков	6
Предисловие	7
Глава I. Уйти до срока (1989–1991)	10
«Аэрофлот»	10
В городе	12
А перед этим...	13
В самолете	14
Назначение	16
Прибытие	18
Уамбо	20
Влюбленность в жаркий континент	22
Угроза для жизни	23
Воины-интернационалисты	24
Отцы-командиры	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виталий Хальпуков
Ангола – СССР: дружба и забвение

© В. Хальпуков, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Виталий Хальпуков

Выпускник Минского государственного педагогического института иностранных языков. Окончил аспирантуру по специальности «социальная философия» при Национальной академии наук Беларуси (Институт философии).

Много лет проживает за границей. Работал переводчиком в Африке, долгое время находился в Латинской Америке. Более пятнадцати лет живет в США. В 90-е годы неоднократно посещал разнообразные страны Европы.

Подробное изучение социально-политического устройства разных государств помогает автору отмечать схожие и отличительные черты определенных обществ. В своих книгах автор делится с читателями персональной точкой зрения в отношении данного вопроса.

Предисловие

«Дамы и гос-с-спода!» – приятным голосом стюардесса сообщила, что наш самолет приступил к снижению и через двадцать пять минут совершит посадку в аэропорту Шереметьево-2.

Буквально мгновение спустя нас начало потряхивать. Казалось, что тяжелый воздушный лайнер неторопливо пробивался сквозь плотный слой облаков, которые нехотя расступались под тяжестью грузной машины. В это время окна с внешней стороны самолета заволкло бело-дымчатой пеленой, и стало невозможно наблюдать за красотой просыпающегося неба.

Пол уходил из-под ног, крен увеличивался, и, пытаясь сохранить равновесие, я еще больше вжался в узкое пассажирское кресло.

Удовольствие не из приятных – находиться в закрытом пространстве облачного смога на высоте тысяч метров над землей. Возникает ощущение, что в данный момент твоя жизнь всецело зависит от внешних сил, которые тебе не подчиняются и даже не обозримы. Чувство тревоги сразу же исчезает, как только самолет выныривает из облачного плена и в салон начинает проникать свет.

В Шереметьево-2 я прилетаю довольно часто, и каждый последующий раз похож на предыдущий: погранзона, таможенный контроль и ожидание у багажной ленты своего чемодана, потрепанного в путешествиях.

В этих поездках не происходит ничего необычного, они не запоминаются. Лишь иногда в памяти ненадолго запечатлевается какая-либо неординарная ситуация, имевшая место в дороге.

Так, однажды меня рассмешила служащая паспортного контроля, начавшая озвучивать версии моих частых визитов в российскую столицу. Но такие разговоры, исключительные для подобных мест, случаются крайне редко. Обычно в пограничной зоне все настолько строго и официально, что я только успеваю давать прямые, короткие ответы на вопросы государственных служащих, еще более лаконично сформулированные.

К Москве я испытываю особое чувство. Оно не изменилось ни за годы перестройки, ни в постсоветское время. Для меня Москва по-прежнему родная, как, в сущности, и вся Россия. Внутренне мне как-то трудно принять новое мироустройство постсоветских государств, хотя прекрасно понимаю, что случившееся с СССР уже не вернуть обратно. Однако мне не хочется верить, например, в то, что мой родственник, житель Москвы, сейчас является гражданином иностранного государства.

Я такой не один. В этом убеждаюсь всегда, когда случай сводит меня за границей с каким-нибудь человеком из бывшего СССР. Вне зависимости от национальности и места проживания моего временного знакомого общаемся мы, как правило, по-землячески, как будто продолжаем оставаться жителями единой страны, словно не было никогда развала СССР. Так будет продолжаться до тех пор, пока у бывших советских народов сильна память об их исчезнувшей империи. Память – это то, что невозможно отнять у человека никакими политическими решениями.

Конечно, есть среди граждан постсоветского пространства и те, кто рад распаду некогда мощного государства, ведут они себя обычно демонстративно обособленно и при случае или без такового подчеркивают свою национальную идентичность.

Не замечать их нельзя, но процент подобных людей в сравнении со всем постсоветским населением гораздо меньше.

И это несмотря на то, что долгие годы в средствах массовой информации не прекращается критика исчезнувшего советского государства, которая началась с приходом к власти в СССР М. С. Горбачева и продолжается на протяжении всех постсоветских лет.

Сильна она и в наше время, когда, кажется, можно было бы расслабиться и не оборачиваться так часто назад. Но подобного не происходит в связи с тем, что с умерщвлением СССР не удалось уничтожить память о его существовании. Трудно убедить людей даже в условиях оставшегося однополярного мира, что государство, в котором они жили, было антисоциальным. Особенно нелегко это сделать при нищете многих семей, существующей в современных постсоветских республиках. Простые люди воспринимают жизнь «на ощупь», а не по идеологическим клише с известными нам «измами».

В настоящее время, если быть кристально честным, как никогда раньше заметны негативные последствия исчезновения мощного государства для народов, когда-то его населявших. Их влияние и положение в мире в составе СССР было несравнимо более значимым, чем сейчас. Когда Россию, самую большую республику из прежнего Союза, обозвали «региональной» страной, имели в виду именно тот уровень экономической мощи, который у нее есть в настоящее время и который не позволяет ей больше претендовать на роль главного игрока в формировании международной политики, что имело место раньше.

Нельзя сегодня не замечать и того, что современный мир находится в полушаге от начала ядерной войны и экономика всех бывших советских республик, несмотря на почти тридцать лет свободных рыночных отношений, пребывает в нехорошем состоянии. Не верится, что совсем недавно, каких-то неполных тридцать лет назад, нынешние бедные независимые государства, будучи в составе СССР, пугали развитые капиталистические страны темпами роста именно своих экономик. По экономической мощи СССР уступал только США.

Исчезновение СССР запомнилось миру как событие эпохального исторического значения, положившее конец распространению коммунистической идеологии на планете, а для нас, граждан той страны, это было крахом государственности, почти полной потерей позиций экономики и достижений общей истории.

Россия, укреплявшая свою мощь на протяжении столетий и впервые ставшая одной из двух ведущих мировых империй, развалилась на части, совершив политический суицид. Такого в мире не было еще никогда!

Особенно странным это государственно-политическое самоубийство выглядело на фоне глобализации, происходившей повсеместно, когда каждая страна стремилась войти в какой-нибудь блок, выгодный для себя: экономический, политический или военный.

Трагедия, произошедшая с Советским Союзом, отрицательно отразилась на будущем всех его пятнадцати республик, отбросив их в далекое прошлое, из которого каждой пришлось выбираться уже самостоятельно.

Удивительно, но обновленный московский аэропорт, который сейчас намного красивее, просторнее, комфортнее для авиапассажиров, чем несколько лет назад, не представляется мне таким близким и родным, как его старое здание со слаборазвитым сервисом. Может быть, потому, что тот, прошлый, аэропорт был последней запомнившейся мне картинкой из прежней жизни. Тогда я мечтал о карьере военного, которая так и не состоялась. Моя память очень бережно хранит все, что происходило в тот день почти тридцатилетней давности.

Тогда в Москву из загранкомандировок прибывали оставшиеся советские военные. Это возвращение было каким-то хаотичным, организованным совсем не по-военному. Известный бардак в период правления страной М. С. Горбачева дошел и до армии – самой серьезной, дисциплинированной структуры государства. Последняя зашаталась, забилась в конвульсиях, как и другие министерства, от абсурдных и непродуманных решений верховной власти. Никогда мне не забыть, как встречавший нас в аэропорту полковник из 10-го Управления ГШ ВС СССР развел руки в стороны, когда мы спросили его, что же все-таки происходит в стране. «Никто не знает, – ответил он и растерянно добавил: – Горбачев принимает решения относительно армии без детального согласования с военным ведомством. В результате Министерство обороны с трудом успевает реагировать на его указания. Офицеров, согласно требованиям Горба-

чева, возвращают в страну из заграничных командировок, но у кадровиков нет заранее подготовленных планов по их дальнейшему распределению в другие воинские части».

В глазах встречавшего нас полковника, как и в тоне его голоса, чувствовалась усталость, которая внешне выражалась полным равнодушием к тому, о чем он говорил. Глядя на этого старшего офицера, можно было предположить, что эмоции давно его покинули. Наверное, ему приходилось каждой группе прибывающих военных отвечать на вопрос, ответа на который он не знал, но, будучи в курсе внутриштабных разговоров, предвидел серьезные проблемы в армии.

Вскоре после возвращения из-за границы я прочитал очень сердитую статью нашего военного переводчика, проходившего раньше службу в Анголе, о том, что военное министерство держит офицеров как бы на привязи, «за штатом». Трудоустроить не может, но из армии не исключает. Впервые за годы существования СССР – а может быть, всей российской истории – профессия военного начала утрачивать популярность в обществе.

...Наконец-то наш самолет пробился сквозь облачную стену и оказался в открытом воздушном пространстве. Я снова прильнул к окну и увидел внизу землю. Расстояние до нее было еще довольно большим, поэтому не все представлялось возможным четко рассмотреть, но по мере нашего снижения видимость улучшалась. Глядя на быстро увеличивающиеся в размерах строения и извилистую сеть дорог, я мысленно воскликнул: «Здравствуй, Москва!»

От скорой встречи с российской столицей мне было радостно, и в то же время я чувствовал себя не так, как в былые времена. Ведь прилетал я уже не в главный город могучей империи, а всего лишь в Российскую Федерацию, в одну из частей развалившегося СССР. «Нет больше у Москвы того величия, которое у нее было до развала Советского государства», – подумал я тогда.

Глава I. Уйти до срока (1989–1991)

«Аэрофлот»

После приземления наш самолет еще какое-то время двигался по взлетной полосе, аккуратно проплывая мимо таких же, как и он, красивых воздушных кораблей, выкрашенных в цвета российского флага. Люди в салоне забеспокоились: одни начали доставать свои вещи, с трудом вытаскивая тяжелые сумки и чемоданы из верхних багажных секций, другие принялись натягивать на себя верхнюю одежду, кто-то пытался двигаться к выходу. Стюардессы наблюдали за всем происходящим, но никаких указаний не давали, хотя по правилам воздушных полетов люди должны оставаться на своих местах до полной остановки двигателей машины. Чувствовалось, что к русскоговорящим пассажирам в российской авиакомпании относились с пониманием и старались не замечать их мелких шалостей.

Мои соседи, глядя на происходящее вокруг, нервно заерзали в своих креслах. Мне пришлось встать, чтобы пропустить их, хотя я понимал, насколько бессмысленной является вся эта мышьячая возня. Мотивы преждевременного беспокойства наших граждан по прилету до сих пор вызывают у меня недоумение. Почему люди встают со своих мест раньше времени и затем, дыша друг другу в затылок, толкаются со своим багажом в узких проходах салона, создавая тем самым неудобства себе и окружающим? Иностранцы в этом отношении ведут себя гораздо культурнее. Как правило, большинство из них не покидают своих мест до полной остановки воздушного транспорта, встают лишь тогда, когда впереди сидящие пассажиры, не спеша забрав свой багаж, начинают выходить.

В очереди на паспортный контроль уже не наблюдалось никакой суматохи. Все вели себя в соответствии с серьезностью процедуры – пересечением государственной границы. Однако я был удивлен тому, что в зале находились пассажиры только нашего рейса. Наверное, мы прилетели раньше основного потока авиапассажиров, прибывших в Москву.

Я услышал разговоры людей, стоявших рядом, и мне стало понятно, что полет им понравился. «Так же, как и мне», – мысленно согласился я с ними. «Аэрофлот» – одна из немногих бывших советских компаний, которая не только удержалась на плаву в постсоветские годы, но и смогла составить своим зарубежным коллегам, иностранным воздушным перевозчикам, достойную конкуренцию. Она выстояла, несмотря на то, что после развала СССР различные мошенники «прибивались» к ней. Вспомнить хотя бы такого небезызвестного финансового махинатора, как Б. Березовский, умерший странной смертью в Англии. В девяностые годы прошлого столетия он благодаря своим связям с высшими эшелонами российской власти смог с группой мошенников, бывшими чинами «Аэрофлота», взять в свои руки финансовые потоки самого крупного отечественного авиаперевозчика.

Очень надеюсь, что прошедший трагический период в истории России ушел в небытие навсегда и больше никогда не повторится. Хотя вера в это у меня очень слабая, так как в российском государстве еще много общественной собственности, на которую не перестают жадно поглядывать непорядочные коммерсанты или лживые государственные чиновники.

До сегодняшних дней размеру коррупции в самой большой стране мира отводится значительное место, о ней не перестают вещать средства массовой информации. В этом есть и положительная сторона. Если возникают коррупционные скандалы – значит, кто-то борется с непорядочными чиновниками. Полностью же победить одну из древнейших социальных болезней в мире не удалось еще ни одному обществу. Больше, на что можно рассчитывать в борьбе с коррупцией, – не позволять ей высоко поднимать голову и своевременно реагировать на любые ее проявления.

В настоящее время «Аэрофлот» по-прежнему продолжает быть лидером среди российских авиакомпаний и является серьезным бизнес-конкурентом иностранных авиакомпаний. Его сотрудники – профессионалы, в этом я убеждаюсь каждый раз, когда летаю на самолетах данного авиаперевозчика. Кроме того, «Аэрофлот» привлекает меня не только высоким качеством сервиса, но и ценовой политикой, позволяющей в отдельные периоды года приобретать билеты по невысокой цене. Также признаюсь: мне импонирует нахождение внутри лайнера с таким знакомым для меня названием, напоминающим о годах молодости и великой державе, которой уже нет. Наверное, с возрастом становлюсь сентиментальным. Но данный факт не преувеличивает справедливого мнения о том, что «Аэрофлот» – это комфорт, удобство и приятное времяпровождение на протяжении всего полета. Поэтому всем близким людям и знакомым иностранцам всегда советую летать самолетами упомянутой авиакомпании.

За последние годы облик Москвы очень изменился, стал более прозападным, с популярным в Европе стилем архитектуры. Шереметьево-2 тоже теперь другой: больше похож на западные места подобного типа. Однако по своим размерам он значительно уступает многим известным европейским или американским аэропортам. Он не такой внушительный, как последние, и поток пассажиров в нем, как я смог заметить, не очень масштабен – гораздо скромнее, чем в других аэропортах, в которых довелось побывать. А вот появившийся в постсоветские годы аэроэкспресс Шереметьево-2 – Белорусский вокзал выгодно его выделяет. В мире немного аэропортов с таким удобным сообщением с центром города. Теперь москвичам или гостям столицы достаточно около 35 минут, чтобы добраться из аэропорта до центра города. В советские же годы мне приходилось чаще всего пользоваться услугами такси при поездке в аэропорт. Выезжал я всегда заранее, чтобы точно не опоздать на свой рейс. А сейчас все иначе: не надо приезжать сюда за несколько часов до вылета самолета.

Пройдя паспортный контроль, я сразу направился к зеленому коридору. Сегодня он стал привычен для всех – как для пассажиров, так и для работников таможни. Но так было не всегда. Зеленые коридоры, если я не ошибаюсь, появились во времена перестройки и поначалу очень удивляли людей, вылетающих в другие страны.

Для нас, граждан, выросших в тоталитарном советском государстве, любые послабления в системе контроля были менее понятны, чем ужесточения. Тогда мы с недоверием отнеслись даже к появлению зеленых коридоров, предполагали, что это новшество не будет долгим. Нам было нелегко поверить, что проходить границу можно «втемную», без показа своих вещей служащим таможни.

В городе

Выйдя из электропоезда на Белорусском вокзале, я тотчас направился к метро, самому понятному и удобному транспорту для тех, кто не является жителем столицы. Здесь никого ни о чем не нужно спрашивать: все маршруты движения электропоездов показаны на карте, и даже ребенку легко в ней разобраться. Единственное, что следует знать, – название своей конечной остановки, этого вполне достаточно, чтобы не заблудиться и добраться до самого сердца Москвы.

Метро и вокзал навеяли воспоминания. Находясь внутри поезда, я стал вспоминать маршруты своих поездок тридцатилетней давности: от гостиницы, где мы жили перед отъездом за границу, до центра города, куда ежедневно приезжали в Десятое управление ГШ Министерства обороны СССР.

А перед этим...

До приезда в Москву в 1989 году у меня, как и у большинства молодых людей в то время, были прекрасные годы студенчества. Довольно беззаботные, если оценивать их с позиций сегодняшнего дня. О своем будущем мы сильно не беспокоились. Знали, что при любом жизненном раскладе обязательно будем иметь работу по специальности и государство бесплатно обеспечит нас квартирой. Тревожились только об одном: как избежать распределения в сельскую местность. Нецивилизованная деревня без бытовых городских условий, с грязью на дорогах пугала даже тех, кто был с ней хорошо знаком. Выходцы из деревни за годы учебы в белорусской столице привыкали к комфортным условиям жизни в городе и не желали возвращаться в уже подзабытый мир малой родины. Городские же ребята воспринимали работу в сельской местности не иначе как ссылку. Но для меня, распределившегося еще до окончания вуза в штат Министерства обороны, все эти страхи были позади. И, как следовало ожидать, в середине лета я получил официальное направление в Народно-Демократическую Республику Анголу.

Перед самым отъездом за границу начальство нас приятно удивило: на специальном складе мы получили одежду импортного производства. Как понимаю, в те годы холодной войны военнослужащие, выезжающие за границу, должны были выглядеть не хуже западных людей. Но в связи с тем, что предприятия отечественной легкой промышленности в то время еще не научились шить достойные, подобно европейским аналогам, образцы одежды, нам повезло стать обладателями импортных вещей, столь ценных в советские годы.

Однако уезжали мы в страну экономически слаборазвитую, поэтому нам не следовало «держаться вид». Всю полученную одежду мы отправили домой, понимая, что эти вещи нам еще пригодятся в будущем.

В самолете

На данный момент точно не помню, по какой причине, но переводчики с советниками улетали в Анголу на самолетах нашего «Аэрофлота», а специалисты и техники – на боингах западных компаний. Кажется, такой принцип предусматривался договоренностью между двумя странами – СССР и Анголой. Транспортные расходы на специалистов несла ангольская сторона.

Я как переводчик отправился в столь длительный перелет на отечественном Ту, и моим соседом волей случая оказался старший помощник капитана гражданского судна лет пятидесяти. Он летел на смену экипажа судна, пришвартованного в порту Луанды. С ним находился и весь состав новой команды. Когда в Москве мы стояли в очереди на посадку, старший группы отстранил одного матроса от поездки – тот приехал в аэропорт в нетрезвом виде. В те времена социалистических производственных отношений, когда у людей отсутствовал страх потерять работу, даже в компаниях, трудящихся за рубежом, случались подобные некрасивые казусы. Работодателя в лице государства советские граждане не боялись вовсе и поэтому позволяли себе небольшие «слабости» на многих гражданских предприятиях.

Среди военных, отъезжающих за границу, подобные инциденты если и могли иметь место, то крайне редко. Армия предполагала другой уровень ответственности, наказания среди военнослужащих были строже. Случись у офицеров, командировочных за границу, что-либо подобное вышесказанному, нарушителя воинской дисциплины отстранили бы от поездки, и ему пришлось бы дослуживать отведенный срок где-нибудь далеко от центральной части страны, например в известной всем военным южной точке СССР – Кушке или в учебном военном центре – Мары, находящемся недалеко от нее. Этот центр славился тем, что даже выходцы из африканских стран, проходившие там обучение, теряли сознание от высоких температур.

В самолете много курили. На протяжении всего полета курильщики не прекращали дымить, и весь салон воздушного лайнера был в табачных облаках. Сейчас подобное трудно представить, а ведь тогда на это никто не обращал внимания, даже некурящие женщины не возмущались. Последних, правда, старались посадить в начале салона, чтобы они меньше дышали никотином, концентрация которого в конце самолета была выше.

Во время полета военные вели себя достойно, что очень их отличало от гражданских моряков, отдельные из которых не переставали употреблять алкоголь в течение полета, при этом громко разговаривали и постоянно ходили друг к другу «в гости». В местах скопления «друзей» дымовой никотиновый очаг был гораздо плотнее, чем в среднем по салону. Когда же мы прилетели в Луанду, то несколько тружеников моря, выходя из самолета, помогали одному из своих товарищей держаться на ногах. Так они, с ручной кладью и немощным коллегой, медленно двинулись к паспортному контролю.

На пути в Анголу у нас была остановка на Мальте – первая серьезная заграница на протяжении всего полета. Когда мы вошли в зал ожидания, он показался мне очень освещенным и непривычным в плане дизайна. Здесь же работал бар, который не походил на отечественный буфет. У военных не было при себе иностранной валюты. Следовательно, мы ничего не покупали, а лишь скромно прохаживались по залу. Гражданские же моряки, у которых валюта имелась, в плане финансовой свободы были более раскрепощены. Они собирались у бара и покупали на память всякие безделушки.

Стоя недалеко от входа в зал, я услышал, как один из военных, встречавшийся мне раньше в Десятом управлении, пожаловался на то, что начальство неуважительно к нам относится. «Выдали бы хоть несколько долларов в дорогу, чувствовали бы себя по-другому, не бедными родственниками», – сказал он. А затем добавил: «Ангольским курсантам, обучающимся в СССР, при поездке в отпуск всегда выдают командировочные в долларах». Стоящие вокруг

него коллеги молчали. Почти все офицеры летели в Анголу в первый раз, и никто не задумывался о том, как должно поступать воинское начальство по отношению к командировочным военным, которые останавливаются в чужих странах ненадолго, до заправки самолетов. Они были рады уже тому, что летели служить за границу.

Назначение

После прохождения ангольской таможни всех офицеров и жен военнослужащих, которые следовали за мужьями, встречал представитель нашей военной миссии. Он был в форме местных Вооруженных Сил и данные каждого прибывшего сверял с имеющимся у него списком. Когда сверка закончилась, все мы направились к автобусу, ожидавшему нас недалеко от входа в здание аэропорта.

По дороге в миссию я обратил внимание на то, как бедно были одеты люди, попадавшие нам на пути. У большинства из них не имелось обуви, но при этом казалось, что никто из них не испытывал неудобств: ни женщины, большей частью закутанные в метры материи; ни мужчины, сплошь худощавые и довольно часто без верхней одежды; ни дети, резвящиеся повсюду. Последних было так много, что они не пропадали из поля зрения на протяжении всей нашей поездки.

До миссии мы добрались довольно быстро, и я был удивлен тому, что здесь, несмотря на раннее утро, все находилось в движении. С моего места хорошо просматривалась группа военных, уезжающих куда-то на «командирском» уазике. В глубине двора солдаты, выстроившиеся в ряд, разгружали машину. Белые коробки, словно по волнам, переходили из рук в руки и исчезали за дверью небольшого здания, выкрашенного в белый цвет.

Неожиданный шум внутри салона заставил меня обернуться: несколько человек из нашей группы, не дожидаясь остановки транспорта, уже тащили свой багаж к выходу. Позже я узнал, что они спешили к дежурному офицеру, чтобы узнать у него расписание полетов транспортной авиации. Эти военные не были здесь новичками, хотя прилетели вместе с нами в одном самолете. Они возвращались из очередного отпуска и желали в тот же день отправиться к себе в часть, ночевать в миссии им не хотелось.

Если наши коллеги, уже прослужившие в Анголе какое-то время, для которых эта страна была освоенным объектом, являлись вполне самостоятельными, то мы, новички, наоборот, во всем следовали указаниям старшего. Он встретил нас в аэропорту и затем продолжал о нас заботиться. Организовал завтрак в офицерской столовой, определил на ночлег. После этого крепко, по-военному, каждому пожал руку и, пожелав хорошей службы, растворился в массе военных, входивших в зал. Больше в Анголе я его никогда не встречал.

К середине дня наша группа значительно сократилась. Нас покинули военные, успевшие в аэропорт и улетевшие утром к себе в часть, и те, у кого конечным местом службы значилась Луанда. Большинство советских военных, проходивших службу в ангольской столице, жили за пределами военного представительства.

В три часа дня переводчиков вызвали на интервью. Нас по очереди принимал непосредственный и самый главный начальник переводчиков. В течение нескольких минут он для каждого определял место службы. Удивительно, но главным переводчиком был выпускник Минского педагогического института иностранных языков, мой земляк и старший коллега по альма-матер. Он отправил меня служить в военное училище имени Николая Гомеса Спенсера, которое находилось далеко от ангольской столицы.

После встречи со старшим переводчиком мне ничего больше не оставалось, как дожидаться вылета в часть. Но, к сожалению, самолеты в нужном мне направлении не летали, и ускорить свой отъезд у меня не было возможности. В условиях боевой обстановки активность и зона полетов авиации определялись положением на фронтах и зависели от ближайших планов командования. В графике ближайших полетов Уамбо не значился.

Бездействие в ограниченном пространстве военной миссии меня утомляло. Я, как и мои соседи по комнате, ожидавшие вылета в СССР после окончания командировки, старался чем-то себя занимать. За время вынужденного нахождения в Луанде мне удалось несколько раз

выехать к океану. С транспортом помогали офицеры, проходившие здесь службу. Они всех нас, временных бездельников в Центральной миссии, доставляли на местный пляж и через несколько часов привозили обратно. Еще нам очень нравилось «грешить» пешими походами в город, где мы проводили значительную часть дня.

Утром, незаметно проскользнув через КПП (контрольно-пропускной пункт), мы быстро сворачивали на небольшую улочку, находившуюся всего в двух шагах от него. Потом не спеша, наслаждаясь видами местных окрестностей, шли прямо к центру ангольской столицы, чтобы там побаловать свое тело пивом, а душу – впечатлениями.

От начальства мы прятались по причине того, что военным разрешалось покидать территорию миссии только на транспорте. Выход в город пешком запрещался. Но к таким нарушениям наше командование, похоже, относилось с пониманием, отдавая себе отчет в том, что вряд ли противник рискнет в дневное время суток нападать на советского военного. В любом случае я никогда не слышал, чтобы кто-то из военнослужащих был наказан за самовольный выход в город.

Нахождение в Луанде поспособствовало тому, что я установил многочисленные контакты с офицерами из разных фронтов, которые здесь периодически появлялись. Эти встречи дали мне больше знаний о стране и службе здесь, чем две недели обучения в Москве. И когда наконец я покидал столицу Анголы, то чувствовал себя уже не зеленым новичком, стал более уверенным по сравнению с предыдущими днями. Непродолжительное, но очень близкое общение с офицерами, служившими в Анголе не первый год, позволило мне обрасти ворохом нужной информации и понять, что проблем со службой у меня здесь быть не должно.

Первая страница моей трудовой деятельности, начавшаяся сразу же после окончания института, была открыта – и, надо признать, вполне успешно. Теперь оставалось красивыми буквами выводить предложения.

Но увы! Пути Господни неисповедимы! Не знал я тогда, сидящий в военно-транспортном самолете Ил-76, взлетавшем из аэропорта Луанды и державшем курс в город моего назначения – Уамбо, расположенный в 600 километрах от столицы, что все мои основные жизненные трудности ожидают меня не здесь, в далекой Африке, а на моей родной земле, которая после развала СССР превратится из матери в мачеху. Не мог я тогда знать и о том (а скажи кто-нибудь – ни за что бы не поверил), что существовать моей родине оставалось меньше двух лет.

Прибытие

Военное училище им. Н. Г. Спенсера, где я начал службу в должности военного переводчика, дислоцировалось в городе Уамбо, третьем по количеству населения в стране. Этот город относился к бывшей территории племени овимбунду, из которого происходил лидер враждебного к действующей власти вооруженного движения УНИТА – Жонаш Савимби. Он был внуком вождя и несколькими годами раньше, до прихода ФАПЛА (правительственные вооруженные силы), размещал здесь свою штаб-квартиру. Это означало, что проходить службу мне пришлось в местах, где значительная часть местных жителей относилась к нам недружелюбно.

Училище находилось недалеко от города и готовило офицеров по всем основным общевойсковым специальностям. Курсантов учебного заведения выбирали из среды наиболее грамотных подростков, их поиск являлся нелегким занятием. Процент безграмотного населения в постколониальном государстве был очень высоким.

Советские военные составляли основу преподавательского состава и, следовательно, занимались подготовкой ангольских курсантов в соответствии с требованиями отечественных армейских учебных заведений. Но в связи с тем, что уровень владения материалом средней школы и физическая подготовленность юношей оставляли желать лучшего, учебные программы для них значительно упрощались. Да и армии правящей партии МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы) нужны были в то время не военные профессионалы высокого уровня, а подготовленные на скорую руку у спецов тыла, которые могли владеть оружием и командовать в условиях малых войн. С этой правительственной задачей – обучением курсантов в кратчайшие сроки офицерской должности – наши военные справлялись достойно. Из училища в ангольскую армию уходили подготовленные младшие командиры, хорошо владеющие оружием и хорошо знакомые с вооружением, а также умеющие профессионально командовать воинскими подразделениями.

Рука об руку с советниками трудились мы, переводчики. Всегда сопровождали их на теоретических и практических занятиях, выполняя функцию связующего звена между преподавателем и иностранными учащимися. Мне больше всего запомнилось то, что наши полковники, будучи продолжателями и основоположниками советских армейских традиций на африканском континенте, никогда не переносили и не отменяли практические занятия в связи с неблагоприятными погодными условиями. Они не уводили курсантов в укрытие, когда сильный тропический ливень накрывал весь район плотной водяной завесой и буквально приклеивал мокрую и разбухшую от влаги форму к телу. После таких учебных тренировок приходилось все свободное время сиесты (обеденный перерыв с 12.00 до 15.00), отведенное на отдых, тратить на сушку одежды. Иначе можно было простудиться в жаркой Африке.

Работа на кафедрах доставляла мне огромное удовольствие. Она не только способствовала удовлетворению моего интереса в области языка, но и знакомила с отдельными хитростями армейской службы, к которым я был равнодушен. На практических занятиях с разведчиками я научился скрытно и осторожно, чтобы не наступать на мины, передвигаться по незнакомой местности, а на уроках по тактике – водить огромную машину «Урал». Однако к учебным занятиям меня допустили только через месяц после нахождения в части. Наш командир, с учетом того, что португальский язык в вузе я не изучал вовсе, позволил мне первый месяц заниматься самообразованием. Благодаря такому его решению у меня появилась возможность серьезно приступить к освоению языка, неизвестного мне ранее. Тридцать дней – 720 часов – составляют довольно значимый отрезок времени, если правильно их использовать и не лениться. Этого времени мне стало достаточно, чтобы понять и выучить основные грамматические принципы португальского языка и сделать множество шагов в освоении лексического материала.

Тогда же я четко для себя определил: расхожее среди отдельных специалистов мнение о том (мне не раз доводилось его слышать), что перейти с испанского языка на португальский для переводчика очень легко, является ошибочным. Сходство этих двух языков относительное. Нельзя подобрать какой-то универсальный способ, который бы позволил быстро переключиться с одного языка на другой. Приходилось почти все учить заново. Грамматический принцип этих двух языков схож, в лексическом составе – довольно много однокоренных слов, что на самом деле их сближает. Но не более того.

Уамбо

До самого приезда в Анголу я не предполагал, что на территории юго-западной Африки, не очень далеко от экватора, могут быть места, где испепеляющая днем жара сменяется вечерней прохладой и очень свежим, почти холодным утром. Но такие места там есть. Город Уамбо является одним из них.

Официальным днем его основания считается 8 августа 1912 года, хотя небольшое поселение появилось здесь задолго до обозначенной даты. Название город получил от одного из четырнадцати существовавших когда-то на центральном ангольском плато королевств племени овимбунду, самого многочисленного на территории Анголы. Но в 1928 году португальские колонисты дали городу другое название – Новый Лиссабон. Португальцы планировали в конце сороковых годов перенести туда административный центр из Луанды. Однако их планам не суждено было сбыться, и второй Лиссабон недолго просуществовал на ангольской территории. Уамбо вернул себе прежнее название после ухода колонистов в 1977 году.

Этот город, расположенный на высоте 1721 м над уровнем моря, имел менее влажный и не такой жаркий, как на побережье страны, климат. Поселившимся здесь жителям, пришедшим с Пиренейского полуострова, выносить африканскую жару было гораздо легче, чем в той же самой ангольской столице – Луанде.

В Уамбо проживало более трехсот тысяч человек, и этот город был по-своему необыкновенно красив, уютен. Небольшие районы европейского типа придавали ему вид современного городского конгломерата среди неухоженной местности, раскинувшейся на сотни километров вокруг, в отдельных местах совсем запущенной. К тому же в Уамбо не было домов-двойников: все здания в городской черте строились по индивидуальным проектам, и это выгодно выделяло город даже в сравнении с европейскими собратьями.

В центре Уамбо находились муниципальные постройки, которые с точки зрения архитектуры были довольно замысловатыми, с красивыми колоннами и фигурным забором, сделанным из цемента. И парки выглядели очень неплохо, что удивительно, так как за ними никто не ухаживал. Единственное, чего им не хватало, – воды в фонтанах. Последние уже не дарили людям прохладу в жаркие дни засушливого лета и были лишь напоминанием об ушедшей навсегда прежней, довоенной жизни колониального периода. Понятно, что в тот период гражданской войны ангольские власти равнодушно относились к таким мелочам, как благоустройство местных фонтанов, хотя городской бассейн с вышками для прыжков работал исправно. Местная детвора всегда там обитала.

Городские улицы и тротуары, выложенные во многих местах камнем, находились в зоне ответственности местных властей и поддерживались в относительно чистом виде. Чувствовалось, что, кроме военных начальников, существовали еще муниципальные руководители, которые представляли собой гражданскую власть на местах.

Советская военная миссия в городе Уамбо занимала один из домов, принадлежавших португальскому бизнесмену, который каждый год проживал в Анголе чуть больше шести месяцев. Как он объяснил мне, чтобы не потерять бизнес. Все иностранцы, находившиеся в стране менее половины года, теряли свои права владения недвижимостью. Второй дом, граничащий с нашим и тоже являвшийся собственностью моего знакомого португальца, был заполнен советскими врачами, работавшими в службе Красного Креста.

Нашим врачам с соседством повезло: их дом, как и наш, охранялся военнослужащими ФАПЛА, но дежурными караулов заступали мы, советские офицеры. Это значило, что часовые проверялись часто, и мы не позволяли ангольским солдатам спать на посту. Последние же не отличались воинской дисциплиной и были не прочь во время дежурства расслабиться и

вздремнуть в каком-нибудь темном уголке с автоматом в руках. Зная эту их слабость, ночью мы особенно бдительно за ними следили.

Влюбленность в жаркий континент

Любовь к Анголе у меня зародилась с первых дней пребывания в этой стране. Ее природа очаровала меня своей красотой настолько, что за прошедшее время нашей разлуки, а это почти три десятка лет, мое восхищение этой частью планеты не уменьшилось. Во всех других местах, в которых мне приходилось бывать до поездки в Африку и после нее, я ничего более близкого и дорогого для своей души уже не приобретал. Время подтвердило, что эта любовь стала для меня самой сильной и запоминающейся. И когда около семнадцати лет назад мне посчастливилось побывать в трех других африканских государствах в составе летного экипажа, я словно снова вернулся в места своей молодости и вновь был счастлив, что мог находиться на континенте, родном для моего сердца.

Поразительно, но о поездке в Африку я начал тайно мечтать с детства, в классе втором или третьем. Произошло это после просмотра какого-то фильма о европейцах, охотившихся в саванне на диких животных. Убивать беззащитных зверей мне никогда не хотелось, но другой и абсолютно незнакомый мир стал так интересен мне, что я убедил себя: обязательно там побываю. С тех пор я был в этом уверен.

Детские мечты, не окропленные отрицательным жизненным опытом, в своих желаниях не имеют границ и поэтому отличаются особой дерзновенностью. Был в то время дерзок и я. Мне казалось, что у меня в жизни все будет получаться так, как я захочу. И когда данная моя мечта исполнилась – я еще больше в это поверил.

Более того, мечта исполнилась сверх задуманного: я стал не просто участником непродолжительной экспедиции в африканскую саванну или пустыню, а поселился здесь на длительный срок. Служба в должности советского военного переводчика предоставляла мне гораздо большие возможности в познании полюбившегося мне континента, чем участие в коротком туристическом эксклюзивном рейде. Тогда, в начале моей командировки, я еще не знал, что Африка является не только красивейшим местом на земле, но и самым опасным для жизни.

Жаркий климат создает благоприятные условия для существования здесь всевозможных опасных микробов и ядовитых тварей, и далеко не каждому иностранцу, оказавшемуся здесь по воле случая, удастся избежать с ними встреч. Мне также стало известно, что африканская саванна порой бывает не менее коварна, чем непроходимые бразильские джунгли, и не дай бог кому-то оказаться в ней одному, да еще в жаркий день или сильный ливень.

В саванне можно легко стать жертвой ядовитой твари или любого другого дикого тропического существа, которых здесь огромное количество. Одни только безобидные на вид малярийные комары являются серьезной национальной проблемой. Они опасны и отрицательно влияют на продолжительность жизни местного населения. Тем более уберечься от них очень трудно: при полете они совсем не издают звука, и чаще всего пострадавший не подозревает об укусе или узнает о нем уже после свершившегося факта. А дождь в Африке льет так, что, даже спрятавшись внутри бронированной военной машины, понимаешь, насколько беззащитен человек перед природой.

Угроза для жизни

Однако ни природные катаклизмы, ни дикие животные не представляли особой опасности для советских военных на территории Анголы. Главная угроза для нас в этой стране исходила от вооруженной оппозиции к действующей власти, для которой было бы почетно расправиться с любым иностранцем, прибывшим в составе зарубежного военного контингента для помощи правительству президента страны Жозе Эдуарда душ Сантуша.

Кроме того, в Анголе каждый из нас мог в любой момент нарваться на неприятельскую или шальную пулю: в стране, где идет война, оружия нет только у немощных стариков и грудных младенцев. Также легко можно было подорваться на mine, которые здесь имелись повсюду.

Мины устанавливали как неприятельские лазутчики, желавшие держать в страхе мирное население и действующую власть, так и военнослужащие ФАПЛА (армия правящей партии МПЛА – Народное движение за освобождение Анголы), которым мы помогали.

В задачу последних входило перекрывать доступы скрытого проникновения ночных и незваных гостей на военные объекты и к местам проживания мирных граждан. Однако самое удивительное и в то же время абсурдное состояло в том, что как первые, так и вторые, то есть бандитские группировки и правительственные военные, устанавливали мины без всякого плана и схем их расположения, что делало невозможным знание точных мест минирования. В результате случалось так, что на своих минах подрывались солдаты или офицеры ФАПЛА, решившие по каким-то соображениям или, например, по малой нужде выйти за территорию собственных дислокаций. Конечно, страдало от этого гражданское население, очень часто встречавшееся с минами на подступах к городам или в районах боевых действий.

Из-за ненадлежащего контроля за минированием территорий гибли и получали ранения как военные, так и гражданские лица. Калек, подорвавшихся на минах, в стране было очень много, обычно они группами в несколько человек проводили все светлое время суток на центральных улицах населенных пунктов или на местных базарах. Все эти изуродованные войной инвалиды просили милостыню у людей, чаще всего безмолвно проходивших мимо.

Большинству прохожих нечего было подать несчастным людям, пострадавшим от мин, так как они сами часто голодали. Почти все население Анголы бедствовало после ухода португальцев и в результате разразившейся в стране многолетней гражданской войны. Впроголодь жили все: горожане и сельские жители. Нищета одинаково смотрела своими пустыми глазами из городских домов и деревенских кимб (хижин). Во многих квартирах вместо дверей болтались куски грязной и изношенной материи, а холодильников и плит не было почти ни у кого.

Самой большой ценностью в таких жилищах считались продукты, которые появлялись там после получения семьей гуманитарной помощи или армейских пайков, если хозяин дома был военнослужащим. Бедное африканское государство, находившееся долгие годы в состоянии братоубийственной войны, было неспособно обеспечивать своих граждан продовольствием. В основном жители страны выживали благодаря заботе о них международных гуманитарных организаций.

От войны страдали не только люди, но и животные, наравне с первыми переносившие тяготы и лишения тех лет. Лучшие друзья человека – собаки – с оторванными конечностями или прошитыми пулями ушами не были редкостью на городских подворьях или в местах скопления местных жителей. Эти существа, всегда преданные людям, были настолько истощены, что, будь там студенты-медики, они смогли бы изучать анатомию по этим полуголодным псам. Размер и количество их ребер просматривались лучше, чем лица людей на черно-белом экране телевизора. Собаки были зеркалом, отражением той нищеты, которая здесь царила. От бессилия или от жары, а может быть, от того и другого голодные животные были очень мирными и только тенью бродили среди толп людей, которые совсем не обращали на них внимания.

Воины-интернационалисты

Первых советских военных советников численностью в сорок человек СССР направил в Анголу в 1975 году. Правительство СССР положительно отреагировало на просьбу Агостиньо Нето, лидера МПЛА, об оказании военной поддержки его партии. После получения независимости от Португалии марксистская партия МПЛА являлась самой влиятельной политической силой в стране. Под ее контролем находились одиннадцать из пятнадцати столиц провинций. Но даже такое превосходство над другими партиями не обеспечивало ей внутри ангольского общества ни абсолютной власти, ни гарантии сохранения последней в будущем.

Институт власти в африканском государстве находился на начальной стадии зарождения, а междоусобные войны среди враждующих национальных политических группировок не позволяли провести свободные демократические выборы в бывшей португальской колонии, только что ставшей независимой. Оставалась только одна возможность, ведущая к политической победе, – одолеть своих противников не на избирательных участках, а на полях сражений.

МПЛА раньше других партий успела укрепиться в ангольской столице – Луанде – и после этого начала проявлять интерес и к остальным территориям страны, что, конечно, не понравилось ее политическим конкурентам, не устроило их.

Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) развязали широкомасштабные военные действия против марксистской партии. В этой борьбе им помогали два южноафриканских государства, ЮАР и Заир, которым Ангола была интересна с экономической точки зрения. На территории Анголы находились богатые запасы нефти, бриллиантов и других природных ископаемых, также эта страна располагала обширными плодородными землями.

ФНЛА под предводительством Холдена Роберто и УНИТА с его лидером Жонашом Савимби при поддержке войск Заира и ЮАР, а также прибывших из Европы наемников, хорошо зарабатывающих на войне, двинулись с юга и севера страны в направлении ангольской столицы с целью изгнать из нее политического и военного конкурента – партию МПЛА.

Угроза потери власти для марксистской партии стала более чем очевидной. Однако своевременно оказанная военная помощь со стороны СССР и Кубы не позволила оппозиционным силам развить первоначальный успех. СССР помог ангольскому правительству вооружением и техникой, а также направил своих советников и специалистов в южноафриканское государство, а Куба – добровольческие военные отряды, которые стали непреодолимым щитом на пути движения неприятеля к сердцу нации.

В битве при Кифангондо и на реке Кеве войска Заира и ЮАР вместе с наемниками и частями вооруженной оппозиции ФНЛА и УНИТА были остановлены и потерпели поражение. После этого власть МПЛА в стране еще больше укрепилась. Но не настолько, чтобы отбить у ее политических оппонентов желание отыграться. Даже наоборот: потерпев первые неудачи, оппозиционные движения начали менять тактику и методы борьбы. Именно после разгрома при Кифангондо партия УНИТА перешла к повсеместному ведению партизанских войн и благодаря этому успешно сражалась против правительственных войск почти тридцать лет, отказавшись от вооруженной борьбы лишь после гибели своего лидера Жонаша Савимби.

Конечно, такой серьезный военно-политический конфликт на африканском континенте не мог остаться вне поля зрения двух мировых империй, которые ревностно следили друг за другом и всегда соперничали за сферы влияния среди развивающихся государств.

Страны третьего мира в то время были основным объектом их интересов. Для этих двух мировых держав экономические выгоды, извлеченные из сотрудничества с Анголой, не исключались, но приоритетным все-таки оставался вопрос идеологический: пойдет Ангола по пути социалистического или капиталистического развития. Из стратегических целей формирова-

лась вся внешняя политика двух сверхдержав в этом регионе. Не оставался в стороне и социалистический Китай, набиравший в то время экономическую мощь и оказывающий военную и финансовую помощь группировке УНИТА.

Отцы-командиры

О своих командирах, с которыми меня свела судьба в далекой стране Анголе, я пишу из уважения к ним, а может быть, уже в память о них, ведь прошло так много времени после тех далеких событий конца прошлого столетия. Сейчас я нахожусь в том возрасте, в котором были они много лет назад, и наверняка никто из них не помолодел за прошедшие годы. Хотя мне трудно представить, что внешне они могли измениться. Кажется, что живут они и сегодня где-то в своих советских квартирах, еще полученных во времена могучего СССР, и выглядят так, как раньше, и я прежний, без «полян» в поседевшей шевелюре.

Меня никогда не покидало ощущение того, что моя африканская командировка закончилась совсем недавно. Может быть, вчера. От осознания этого мне становится радостно, я забываю в такие моменты о том, что годы властны над человеком, а не человек над ними, что наша жизнь – это даже не день, а всего лишь миг, пучок света на фоне бесконечной Вселенной.

Но радуюсь я всегда недолго. Мой разум, бесчувственная и невидимая часть моего тела, очень часто, когда я счастлив или чем-то доволен, находит способ лишить меня этого наслаждения. Сейчас неподвластное мне сознание смеется надо мной и заявляет: «Да не будь ты идиотом, посмотри на себя в зеркало и перестань фантазировать: твое вчера – это дела давно минувших лет». – «Да, это так, – соглашаюсь я с ним, – прошло, безусловно, много времени. Но моя память о них жива настолько, что я отказываюсь тебя слушать и принципиально не буду смотреться в зеркало. Эти черно-белые фотографии, где все мы одеты в камуфляжную форму, и есть, конечно, не сегодня, но уж точно – вчера! И говорить обо всем я буду так, как будто от тех памятных дней меня отделяет всего лишь одна ночь. Твоя ирония, – отвечаю я своему умному сознанию, – здесь неуместна. В человеческой жизни иногда имеют место незабываемые моменты, которые всегда пребывают в настоящем, вне зависимости от срока их давности. Моя Ангола – одно из них! Пожалуйста, не мешай мне рассказывать», – прошу я моего интеллектуального оппонента.

Моим первым командиром в Анголе был полковник Владимир Николаевич Уделов, советник начальника военного училища им. Н. Г. Спенсера. Все мы, советские военнослужащие этого учебного подразделения, находились у него в подчинении. Он был чересчур требовательным командиром, если сказать мягко, а если серьезно, с нижестоящими по должности офицерами был строг и до мелочей придирчив. Не терпел опозданий, нарушений формы одежды и требовал от всех нас беспрекословного выполнения своих указаний. К нарушителям дисциплины был особенно безжалостен, а к засветившимся в этом деле сослуживцам беспощаден.

Ни у кого из офицеров не появлялось соблазна поступать опрометчиво или невнимательно в отношении его приказов – все знали характер командира. Хотя, надо признать, отдельные смельчаки среди нас все-таки были. Мой сосед по комнате, переводчик, даже находясь под особым контролем командира за то, что однажды самовольно покинул миссию, все равно продолжал тайно убегать по ночам. Он покидал территорию миссии и в мои дежурства по караулу. Правда, его смелость частично можно было объяснить тем, что до конца службы ему оставался всего один месяц. Он был выпускником гражданского московского вуза (МИМО) и больше служить в вооруженных силах не собирался. Причина уходить в самоволку по ночам, как выяснилось позже, у него была серьезная.

Когда срок командировки соседа закончился, он уехал в Москву. Через пару недель после его отъезда к нам в миссию заявила местная анголлка и попросила меня, я был в тот день дежурным переводчиком, позвать соседа по комнате. Узнав, что он улетел в СССР, женщина расплакалась. Сказала мне, что он обещал жениться на ней и забрать с собой, а сам, как оказалось, подло от нее сбежал. Утешить ее я не мог. Понимал, что она стала жертвой моего коллеги

по переводческому ремеслу. Он заставил ее поверить в сказку, которую сочинил специально для нее. Помню, как медленно и со слезами на глазах она прошла мимо часовых, которые, став свидетелями нашего разговора, понимающе и хитро улыбались.

Несмотря на то, что уже прошло много лет, я помню имя этого переводчика, того, с кем делил комнату очень недолгое время. Перед отъездом в СССР он оставил мне свой большой португальско-русский словарь, который очень пригодился впоследствии. В то время всеобщего дефицита в СССР раздобыть любые серьезные издания даже в Москве было нелегко. Я же приехал в Анголу вообще с карманным словарем, этого, безусловно, для моей работы было недостаточно. Спасибо ему за тот подарок, он стал для меня хорошим помощником на протяжении моей зарубежной командировки.

Полковник Уделов всегда был строг и держался с подчиненными на дистанции, почти ни с кем не вступал в дружеско-товарищеские отношения. Ни на службе, ни после нее. Хотя большинство из его подчиненных офицеров имели одинаковое с ним звание полковника и после командировки увольнялись в запас по возрасту. Праздники наш командир отмечал только со своим заместителем, советником начальника штаба. Они вроде бы дружили семьями.

Владимир Николаевич был настолько дотошным службистом, что у него иногда возникали серьезные конфликты с нижестоящими по должности коллегами. Два раза к нам прилетал главный военный советник генерал Гусев, чтобы погасить «пожар» между тремя офицерами: нашим командиром и двумя его полковниками.

При Уделове никому в голову не могла прийти шальная мысль попроситься у него со службы для решения личных вопросов. Заранее было известно – разрешения не будет. Нас, переводчиков, он вообще не считал военными, хотя среди нас были выпускники московского военного института (ВИМО). На торжественных мероприятиях или коллективных собраниях полковник Уделов всегда начинал свою речь со слов: «Товарищи офицеры и переводчики!» И все мы вставали. С офицерскими женами он тоже был неласков. Разговаривал с ними в той самой привычной для него командирской манере: исключений он не делал ни для кого.

С таким строгим командиром я служил довольно долго, он остался для меня одним из самых уважаемых мной офицеров, под чьим командованием мне повезло быть на службе. Он был строг, но имел представление о чести, чего как раз недоставало отдельным другим моим начальникам, с которыми мне пришлось продолжать службу или работать уже на гражданке. Кое-кто из последних, будучи внешне очень вежливым и нарочито сострадательным, на самом деле являл собой настоящего чеховского хамелеона. Могу предположить, что отдельным из них чувство благородства было неведомо от рождения, хотя такой подход противоречит современной диалектике развития личности; другие же с порядочностью расстались в самом раннем детстве, когда познакомились с понятиями вещи и собственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.